УДК 316.344.2

Мищенко Я.П.

Экономическое поведение российской молодежи в условиях перехода к рынку

В статье рассматривается проблема активного участия российской молодежи в экономической жизни как необходимая предпосылка повышения уровня стабильности в современных условиях российской действительности, уделяется внимание факторам, влияющим на экономическое поведение российской молодежи.

Ключевые слова: структурный подход, рыночные институты, девиантность, девиантная карьера, российская молодежь, экономическое поведение.

Российская молодежь как социально-возрастная и социокультурная группа активно участвует в экономической жизни, хотя наблюдается тенденция снижения ее роли, прежде всего, в сфере материального производства. Очевидно, что экономические преобразования не привели к росту институциональных условий самостоятельности молодежи, условий для развития инновационных секторов экономики, где молодые люди могли бы применить свои дарование, энергию, приобрести профессиональные навыки.

Данная проблема осмысливается с позиции различных социологических подходов, доминирующими из которых являются такие, как структурный и субъектно-деятельностный. Российские исследователи на пути анализа структурных ограничений экономического поведения российской молодежи выявили определенные закономерности, которые связаны, во-первых, с адаптационными приоритетами, необходимостью применения навязываемых, внедренных правил экономической игры. Во-вторых, обращают внимание на «предопределенность» экономических девиаций дисфункциональностью рыночных институтов, не способных обеспечить воспроизводство системы экономических и трудовых отношений, в которых молодежь является группой, имеющей позиции, раскрывающие преимущества образовательного и профессионального статусов. Уход молодежи в сферу мелкого предпринимательства, услуг, наиболее криминализированных и работающих по «серым» схемам, вызван дефицитом престижных и высокодоходных, перспективных с точки зрения профессионального роста, ниш в относительно законопослушных, легитимных сферах экономики, где либо существует «пожизненная» закрепленность кадров, либо не востребована молодежь в качестве высококвалифицированных работников. «Рыночность» молодежи выразилась в предпочтении «частному» сектору, ориентированному на незащищенность молодежи в ее социальных и трудовых правах, и отсутствие эффективного государственного контроля в отношениях «работник – работодатель». Структурный подход определяет, таким образом, экономические девиации как следствие дефицита институциональных возможностей для российской молодежи в трудоустройстве и реализации жизненных планов. Олигархизированность и «криминализированность» российской экономики привели к блокированию легитимных лифтов социально-профессиональной стабильности молодого поколения и способствуют невостребованности ее профессионального потенциала.

Однако при ценности исследования экономических девиаций молодежи, достигнутой структурным подходом, некорректно и неполно видеть в экономических девиациях только «обусловленность изменениями в экономике». Российская молодежь демонстрирует неодобрение сложившимися схемами интеграции в экономическую жизнь, предпочитая практические схемы, разработанные «удачливыми» сверстниками, предпринимателями, связанные с локализацией социального пространства и применением девиантной идентичности. Девиантные экономические практики воспроизводятся на основе следования «отклонениям от формальных норм», санкционированных социальным опытом индивида, его окружения, его группы. Таким образом, экономические девиации определяются и неразвитостью рыночной культуры, правовым нигилизмом и правовым абсентеизмом, дефицитом доверия

к институциональным нормам. Девиантность может быть отнесена к мотивации экономического поведения, которое представляется индивиду наиболее адекватным, рациональным в условиях невозможности реализации символического (культурного) капитала, его конвертации в экономические позиции и легитимации жизненных целей, когда наиболее достижимым представляется улучшение или сохранение материального благополучия.

Молодежь, несмотря на прогрессирующее снижение ее доли в социально-демографической структуре российского общества, является социально-возрастной и социокультурной группой, от социального и социально-профессионального потенциала которой зависят как перспективы экономического роста, так и воспроизводство экономических отношений.

Ежегодный отток молодежи из сферы материального производства достигает 5–6 %, что связано как с изменениями макроструктурного характера, так и ценностными мотивациями, способами интеграции в общество. Очевидно, что работа в сфере материального производства, которая в предыдущий советский период была основной формой самореализации молодежи, легитимации ее жизненных притязаний и достижения социальной карьеры, перестала быть таковой. Наблюдается усиление тенденции прихода молодежи в сферу распределения и обмена, которая рассматривается как наиболее привлекательная с позиции формирования среднего класса и интеграции молодежи в общество. В сфере распределения и обмена лидирует негосударственный, частный сектор экономики (в нем занят почти каждый второй). Молодежь ориентируется на частный сектор по структурным и мотивационным основаниям.

Российский исследователь Р.В. Рывкина отмечает две расходящиеся формы экономического поведения населения в период рыночных преобразований: конструктивные, связанные с усвоением новых рыночных навыков (работа с деньгами, ценными бумагами, вкладывание инвестиций, ориентация на качественное потребление), и деструктивные, определяемые нелегитимными социальными практиками, обходом, нарушением правовых и экономических норм [1, с. 267] . Нельзя, однако, выявленные формы экономического поведения рассматривать изолированно, так как на уровне индивидуальных или групповых экономических акторов наблюдается их «пересечение», сплетение, ситуативный выбор. Молодежь как вступающая в жизнь социальная и экономически активная группа не имеет опыта в социалистической плановой экономике, контролируемой трудовой деятельности, но ее нельзя безоговорочно отнести к акторам рыночных отношений: ее поведение характеризуется «обучением», восприятием рыночной культуры, молодежь с большей надеждой, чем старшее поколение, смотрит в будущее, демонстрирует рыночные потребительские ориентации, нацелена на успех в личной жизни и профессиональной деятельности. Экономическое поведение молодежи нельзя считать реактивно адаптивным, так как ей не пришлось испытать последствия «шока перемен», рынок в системе жизненных координат является опорой, реперной точкой с ориентациями экономической девиантности, отклонения от принятых социальных и профессиональных ролей и норм экономического поведения.

Можно согласиться с Т.И. Заславской, что «без изучения массовых образцов и поведения и формируемых ими общественных практик нельзя проникнуть в суть происходящих процессов, постичь их социальные механизмы» [2, с. 244]. Исследование экономического поведения определяется как анализом деятельностно-мотивационных установок, так и внешних, институциональных ограничений и структурных возможностей. Российская молодежь демонстрирует достиженчество, готовность к принятию и освоению рыночных норм, ставит успех, карьеру, личное счастье на лидирующее место в ценностных ориентациях, но это не означает, что ресурс «молодости», готовность к встраиванию в рыночные институты гарантируют адекватное экономическое поведение, действие по стандартам цивилизованного рынка. Вероятно, у молодежи имеются контрастные представления о рынке и рыночных институтах, способах использования рыночных механизмов, различных стартовых условиях и уровне ресурсообеспеченности.

Состоявшиеся в России рыночные институты (собственность, рынки труда, товаров, услуг, финансовых операций) создают институциональную основу нового экономического порядка. Сколько бы ни было разговоров о «нецивилизованности» российского рынка, его несоответствии нормативной картине, выросло поколение с доминирующими рыночными ориентирами, воспринимающее рынок как данность жизненных, повседневных практик, как институт идентификации. Рыночные институты не только выполняют регулятивно-распределяющую и адаптивную функции, их деятельность имеет обучающее, коммуникативное значение.

Российская молодежь по отношению к институтам власти и собственности, базовым в становлении нового социального и экономического порядка, не может считаться «лидирующей», обладающей социально-трансформационным потенциалом группой. Для экономического поведения важна структурность, развитость, легитимность и защищенность собственности, возможности осуществления самостоятельной экономической деятельности, гарантированность норм конкуренции и экономической рациональности.

Для большинства молодых людей российская экономика «олигархизирована», воспринимается как действующая в интересах узкой группы людей, обладающих концентрацией богатства и устанавливающих правила игры. Выходцам из других слоев найти «собственную» нишу представляется затруднительным, а подчас и неосуществимым. По их мнению, институт собственности закрепляет права выигравших от реформ и не создает условия для расширения класса собственников за счет «мелкого и среднего бизнеса», а структура собственности определяется доминированием «олигархической» и «государственной» (муниципальной) форм.

Каждый третий ориентирован на бизнес как занятие, дающее ощущение «достатка», удовлетворенности и независимости. В разнообразии форм собственности молодежь видит реализацию социально-профессиональных ролей и возможность свободного выбора в экономической сфере.

Характерно, что большее число молодых людей признает. Очевидно, что молодежь видит в бизнесе «доходную нишу» («доходность» превышает «престиж» в профессии бизнесмена почти в три раза), дающую возможность «хорошо зарабатывать», готова ориентироваться на частный сектор. И это является признаком включенности в рыночные отношения. В то же время действуют институциональные ограничения, связанные с перекосом в пользу «крупной частной» и «государственной» собственности, отсутствием у молодежи финансовых ресурсов, спросоограниченности рынка труда на рыночные и современные инженерные профессии.

Таким образом, коридор возможностей молодежи в реализации экономического поведения характеризуется разнообразием социально-профессиональных ролей, интеграцией в частную или государственную сферы. Но эти очевидные рыночные завоевания «ограничиваются» неразвитостью инфраструктуры экономической самодеятельности, бюрократизированностью и криминализированностью экономики. Молодые люди в институциональных рамках могут воспроизводить достиженческие поведенческие модели, только обладая солидным стартовым капиталом, надежными социальными связями, опекой со стороны криминальных или правоохранительных структур. Рыночные институты функционируют избирательно и молодежь не входит в группы с преференциальным статусом. Российский «нецивилизованный» рынок, по мнению М.А. Шабановой, нельзя понять вне широкого социального контекста [3, с. 34]. Если анализировать позиции молодежи в отношении рыночных институтов, то позиции расходятся в оценке «идеальных» воображаемых институтов и рыночных акторов, реально действующих предпринимателей, бизнесменов.

Не случайна высокая ориентированность на государственную службу, которая ассоциируется с безопасным и стабильным существованием, использованием должностного ресурса. Молодые люди осознают незащищенность предпринимательства, ограниченность

легитимного экономического поведения, различных достиженческих стратегий в институциональных рамках.

При оценке институционального состояния российской экономики с точки зрения критики (засилье криминалитета, несовершенство правовой базы, чрезмерное государственное вмешательство) поведенческий аспект, связанный с социальной респонсивностью экономики (массовое уклонение от налогов), и деловая этика остаются «за кадром». Институциональные рамки представляются молодежи явно недостаточными для развития экономической самостоятельности, понимаются как «действия в свою пользу». Очевидно, что российская молодежь воспринимает рыночные институты как «свободные от государственного вмешательства» и в то же время «защищающие от криминального произвола».

В позициях молодых людей неформальным правилам отдаются предпочтения перед формально-правовыми в силу их несовершенства, неприемлемости для применения рыночных навыков и достижения экономических целей. Молодежь отклоняется от трудовой мотивации советского периода, довольствуется навыками жизненной презентации и выстраивает отношение к рынку как сфере достижения успеха. Однако отношение к рыночным институтам (собственность, рынок труда и услуг) основывается на вере в способность рынка обеспечить счастье каждому, кто втянут в систему рыночных отношений. Отсюда ориентация на безграничность рынка, игнорирование норм и правил экономического поведения, выбор «схем успеха» и игнорирование деловой этики, если интересы не будут воплощены немедленно или в ближайшем будущем.

Правительство РФ приняло курс на формирование и развитие инновационной экономики. И в этом направлении упор должен быть сделан на региональное развитие. В настоящий момент разрабатываются концепции развития инновационной деятельности и инновационной инфраструктуры регионов, программы инновационного развития регионов, основные положения которых включаются в программы социально-экономического развития, организации практической деятельности органов местного и регионального управления по реализации этих программ [4, с. 105]. Безусловно, что государство должно создавать условия, но инновационное развитие возможно при наличии инновационных агентов, реализующих инновационное поведение. Молодежь как раз и может стать основой для формирования части инновационных агентов. Однако в настоящий момент институциональные трансформации в российском обществе ограничивают инновационное поведение молодежи: неэффективность формально-правовых норм делает российский рынок «серым», работающим параллельно по легальным и нелегальным схемам. «Раздвоенность» российской экономики не придает ей характера «квазирынка», но определяет институциональные возможности выборочно, их неформальные изменения. Поведение молодежи на рынке зависят от «поиска» свободных ниш, что соответствует не следованию институциональным стратегиям, а расширению внеинституциональных возможностей или использованию институционального ресурса для достижения оптимальных целей. Вероятно, рыночные институты в восприятии молодежи «универсальны» как условия успеха и имеют негативную оценку, если связаны с принуждением, выполнением определенных норм. Характер функционирования институтов, не предполагающих контроля и наступления «штрафных санкций» за нарушение норм, приводит к их неполной легитимации, применению правила «выполнения норм в зависимости от ситуации». Принимая рыночные институты как данность, респонденты исходят из различных правил игры. По их мнению, правила таковы, что их нельзя соблюдать полностью, безусловное выполнение приведет к проигрышу, имеющему постоянную дополнительную фору. Так как для молодежи реальной доступностью обладает сфера мелкого и среднего бизнеса, где доминирует «игра без правил» и действуют «серые схемы», занятие бизнесом ассоциируется с риском и полезными связями. Молодежь готова принять институциональные правила в той мере, в какой их будут соблюдать все. Возникает парадоксальная ситуация, когда неформальный контроль затруднен, а государственным

инстанциям молодежь не доверяет. Поэтому институциональные условия видятся в пользу деформализации формальных правил, постоянной коррекции правил игры и, что важно, приемлемости легализации рынка для молодежи.

Реально действует восприятие рынка как сферы «параллельных схем» и привычности легитимного экономического поведения. Отмечено, что институциональные возможности содержат ориентацию для молодежи в обретении престижных социально-профессиональных ниш и занятии самостоятельным бизнесом. Но такое развитие рыночных институтов не достаточно, чтобы влиять на направление социальной энергии молодежи в инновационный сектор. Российская экономика не достигла состояния «институционального разума», связанного с внедрением эффективных рыночных норм. Поэтому рыночные структуры изменяются под влиянием архаичных форм, когда прибыль зависит не от инновационных технологий, освоения новой сферы производства товаров и услуг, не от рыночной культуры работников, а использования «серых схем», неформальных отношений между бизнесменами и чиновниками, работодателями и работниками.

Если критерием эффективности российских институтов считать повышение адаптационных способностей, российская экономика ориентирована на реактивно-адаптационное поведение, требующее умения приспособиться к обстоятельствам, выявить «изъяны» в существующих формальных нормах, адаптировать их применение к спонтанно сложившимся экономическим практикам. Молодежь легче воспринимает такие стремления, так как по сравнению со старшим поколением не уважает опыт «дисциплинированности» на государственном предприятии, ей не ведом страх наказания за нарушение институциональных норм, собственно, поиск работы, высокие доходы определяются как необходимые условия экономического поведения.

Вместе с тем, молодые люди сталкиваются с неэффективностью рыночных институтов в формировании экономического поведения, что выражается в: а) резко дифференциальной структуре собственности; б) неразвитости мелкого и среднего бизнеса; в) отсутствии института кредитования и страхования; г) переключении молодежной инициативы в сферу уличной коммерции и посредничества; д) дискомфортных условиях работы в частном секторе.

Институциональные условия, таким образом, способствуют выдвижению, формулированию рыночных, достиженческих целей с акцентированием неформальных внеинституциональных способов. В российском обществе уместно говорить о независящих от других норм рыночных регуляторах, которые необоснованно отождествляются с властными, присоединительными механизмами. Как правило, внедрение формальных регуляторов приводит к сужению зоны неформальных отношений, в России же выявление новых формальных регуляторов приводит к совершенно неожиданному результату – еще большей активизации «нестандартных» поведенческих моделей и неправовому расширению их репертуара. Объяснение тому – и в «приращенности» формальных институтов неформальными связями, и в том, что формальные институты действуют эффективнее, если «общезначимые правила» игры приобретают «полезность» для рыночных акторов. В условиях недоверия участников рынка молодежь воспринимается как «нежелательная», конкурентная по претензиям группа, не имеющая преимуществ доступа к институциональным ресурсам.

Несмотря на тенденцию желаемого роста занятости молодежи в сфере распределения и обеспечения, о ее влиянии на модернизацию российского общества можно говорить лишь с большей степенью условности. Пока не сформировались новые связи между материальным производством и потреблением, характерные для обществ, прошедших стадию модернизации, не созрели и условия, необходимые для конституирования слоя цивилизованных предпринимателей. Зато они стали пользоваться пространством для производства новых форм риска в молодежной среде [5, с. 10]. Иными словами, в рыночных структурах не созданы условия для измерения индивидуального и группового вклада молодежи. Во-первых, молодежь не обладает реальным влиянием на формирование и внедрение новых институ-

циональных правил. Во-вторых, формальные институты ориентированы на доверие, в то время как неформальные нормы существуют иначе, связаны с привычностью, схемами жизни по двойным стандартам в советском обществе. На кардинальные изменения российское общество на уровне массового поведения реагирует досоциальными отношениями, и молодежь, заимствуя различные ориентиры жизненного успеха, включается в рыночные отношения посредством неформальных регуляторов.

Между тем, сформировавшиеся рыночные институты позволяют работать в «автономном» режиме тем, кто обладает значительными материальными и финансовыми ресурсами и не благоволит к «новичкам». На наш взгляд, институциональные перемены в обществе придают молодежи стремление к самостоятельности, которая пока реализована на уровне потребительства или «работы по найму». Перевес латентных функций над открытыми выражается в проведении «агрегации», уже достигшей высокого социального статуса группы в экономике и исключительной прерогативе государственных структур, контролирующих выполнение правовых норм. Отсюда следует, что выбор государственных служащих респондентами не случаен: ведь у них находится возможность «применения или неприменения» правовых норм. Адаптационная стабильность рыночных институтов не позволяет молодежи реализовать рыночные поведенческие модели в качестве акторов рынка. Уместно напомнить, что деформированное развитие экономики, сосредоточенность в сферах «производства сырья» и непроизводственной сфере (банки, суды) не дают возможности «включить» рыночный потенциал молодежи, так как создают «избыточную конкуренцию» в сферах, уже освоенных старой гвардией предпринимателей и бизнесменов. К тому же, привлекательность этих сфер зависит в меньшей степени от образовательного уровня, рациональных рыночных навыков, которые давали бы преимущество, а связаны с «близостью» к власти, кругом знакомств и наработанной репутацией в деловом сообществе. Иными словами, молодежи предлагается довольно растянутый путь «рыночного вхождения», который ограничивается предоставлением непрестижных социально-профессиональных вакансий или работой на «неформальной основе».

Таким образом, сформировавшийся коридор институциональных возможностей является «стартовой площадкой» российской молодежи для реализации экономических практик. Невиданное ранее разнообразие социально-профессиональных ролей на рынке труда, быстро растущие сегменты услуг, банковского дела и страхования способствуют рыночному поведению молодежи. Однако институциональные возможности ограничиваются неформальным применением формальных норм, их адаптацией к групповым интересам и молодые люди испытывают неудовлетворенность перспективами среднего и мелкого бизнеса, вынуждены ориентироваться на стабильную работу и заработок в государственных структурах или крупных компаниях.

Так как подавляющее большинство российских экономических структур работают по «серым» схемам, молодые люди исходят из следования правилам «по ситуации» и для них, хотя собственность, рынок утвердились как данность, рыночные навыки не могут рассматриваться как «фора» в конкурентной борьбе «без правил». «Истеблишмент пытается копировать чужие модели и принципы. Но взять чужой образец означает лишь создать макет, а не работоспособный механизм» [6, с. 106]. Поэтому рыночное поведение представляется «деловым», предприимчивым, на результаты которого в большей степени влияют «полезные знакомства», связи, а не следование институциональным нормам и «оправданный риск».

Состояние рыночных институтов позволяет сформировать потребительские ориентации молодежи, их рыночное отношение к работе, но недоступность к институциональным ресурсам и «монополизированность» экономики группами «успеха» заметно снижает «рыночную мотивацию» и рациональность, связанную с использованием легальных схем в сфере экономики.

Литература

1. Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России. М., 1998.
2. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформаций. М., 2004.
3. Шабанова М.А. Проблемы встраивания рынка в неразвитое общество // Социологические исследования. 2005. № 12.
4. Пивоваров И.В. Управление инновационным развитием: инновационная региональная экономика и политика / Инновации. Инвестиции. Технологии. Ростов н/Д: ИУБиП, 2011.
5. Алексеева О.В., Симакина Н.В. Страхование в России: функции и экономические интересы субъектов / Мировой кризис и перспективы российской экономики в условиях глобализации: сб. науч. ст. по материалам 1-й Междунар. конф., г. Новочеркасск, 18 мая 2011г. / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ).- Новочеркасск: ЮРГТУ,2011.
6. Понеделков. А.В., Кузина С.И. Особенности трансформации гражданской идентичности в российском политическом процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Научно-теоретический журнал. 2013. № 1(23).

УДК 314

Фидарова И.Б.

Демографическая ситуация в Северной Осетии в 20-е гг. (по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.)

В статье дана характеристика особенностей демографической ситуации в Северной Осетии на основании материалов Всесоюзной переписи 1926 г., выявлена взаимосвязь социально-экономических и демографических процессов.

Ключевые слова: СССР, Северная Осетия, демографическая ситуация, перепись населения, крестьянство, социально-экономические процессы, гражданская война, семья, половой состав, возрастной состав.

В истории отечественного крестьянства первая половина 1920-х гг. была временем глубоких перемен. Общей их тенденцией стал подъем сельскохозяйственной отрасли на основе нэпа. Для периода нэпа в условиях сложившегося сочетания рыночных и планово-директивных принципов управления особый интерес представляет взаимосвязь социально-экономических и демографических процессов. Исследование этой проблемы – одно из приоритетных и чрезвычайно слабо разработанных направлений историографии применительно ко всей советской эпохе [1, с. 84]. Цель данной статьи – изучение комплекса вопросов, связанных с демографической ситуацией в Северной Осетии на материалах Всесоюзной переписи 1926 г.

17 декабря 1926 г. прошла Всесоюзная перепись населения, которая наглядно представила социально-демографический состав населения СССР. Эта акция была хорошо подготовлена, ее программа стала предметом специального обсуждения на Всесоюзной статистической конференции, состоявшейся в 1925 г. [2, с. 16]. Основными переписными документами являлись личный листок и семейная карта. Личный листок содержал свыше 20 вопросов, в том числе: фамилия, имя, отчество, пол, возраст, народность, язык, место рождения, род занятий и т. д.

Исследование материалов переписи 1926 г. по Северному Кавказу показало, что демографическая ситуация в национальных автономиях региона в 20-е гг. имела свою специфику. За период с 1897 по 1926 г. увеличение населения произошло в Осетии в 1,5 раза, в Чечне – в 1,6 раза, Кабардино-Балкарии – в 2,1 раза. Хотя национальное